

Анчутка

Днем Анчутка по щелям прятался, а ночью вылезал.

Чего только Анчутка ни выдумывал, как только Анчутка ни проказил, а снились его потехи пьяным мужикам да срамным бабам.

Жил на деревне Антон, божий старец, такой добрый, мухи не обидит.

И так и сяк к нему Анчутка подлизывался, напускал на него дурные сны, а старец спал, как младенец, и ничего не кроме серебряных ангельских крыльев да голубых Господних воздухов.

Заболел тяжело старец, пришло ему время помирать...

«Вот, — думает Анчутка, — когда ты — мой-то!»

Глянула ночь в окна, черная со звездами, золотыми гвоздями в небе. Вылез Анчутка из щели и, закидывая за плечи тонкие, длинные скользкие ноги, побежал к старцу.

Шмыгнул под дверь в избу, скрутился жгутиком, прыгнул к старцу на лавку и лег в головы. Лежит, усами пошевеливает, глазами позыркивает — напускает на старца грешные сны.

А старец-то не спал, только глаза у него были закрыты — так лежал, к смертному часу готовился, о жизни своей думы благочестивые думал.

Услыхал он, как Анчутка на постель сиганул, и запало ему на мысль поймать паскудника, чтобы он сонный покой не смущал, грешных снов не творил.

«Ох, испить бы», — говорит, словно во сне, старец.

Услыхал Анчутка — сейчас к рукомойнику, дунул на него — обернул рукомойник четвертью, а вместо воды — водка — и к старцу.

— На, — говорит, — выпей, родимый, — а сам обернулся дебелий бабой — кабацкой сидельщицей.

«Хитер ты, — думает старец. — Вина я не пью, водицы бы...»

— Это-то вода — какая водка? Хлебни-ка...

— Ан нет, — дух от нее нехороший, винный дух..

— А ты хлебни, дедушка!

— Ах ты такой, сякой, — поднялся дед, схватил Анчутку — бабу дебелую за руку и хочет крестным знаменьем в прах обратить.

Пропала баба — а вместо нее — мышь.

Держит ее старец в руке.

— Попался! — говорит.

А Анчутка плачется, таково жалобно просит: «Что хочешь, делай со мной — только не крести!»

— Ладно! Лезь в четвертную.

— Это не четвертная, а рукомойник!

— Все одно, лезь!

Сиганул Анчутка в рукомойник.

— Так-то, а теперича сиди здесь до скончания света! — перекрестил старик рукомойник.

Да слаб был, не удержал в руке — упал рукомойник на пол и разбился.

Завизжал Анчутка, закорчился. Крест всего его спалил.

— Ох-хо-хо! — простонал старец и помер.

...А Анчутка скорее из избы старца в соседнюю. Забился в первую попавшуюся щель и стал ожоги залечивать. Целых сорок дней сидел, пока не зажили.